

ТЕМА МИЛОСТИ В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» И РОМАНЕ М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН» (В СВЕТЕ УЧЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО)

Л. Г. Сатарова, Н. В. Стюфляева

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 10 мая 2024 г.

Аннотация: в статье анализируется одна из ключевых категорий художественного мира повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» и романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» — милость как ценностное ядро Благодати, противоположной Закону. В духе наставлений святителя Тихона Задонского о милости как плоде христианской любви писатели приходят к выводу о том, что месть разрушительна, только милосердие, прощение, мысль о всеобщем братстве людей во Христе могут остановить кровавую смуту.

Ключевые слова: святитель Тихон Задонский, Пушкин, Шолохов, смута, милость, добродетель, покаяние, прощение, любовь к врагам, соборность.

Abstract: the article analyzes one of the key categories of the artistic world of A. S. Pushkin's novella "The Captain's Daughter" and M. A. Sholokhov's novel "The Quiet Don" — mercy as the value core of Grace, the opposite of the Law. In the spirit of St. Tikhon's of Zadonsk instructions on mercy as the fruit of Christian love, the writers come to the conclusion that revenge is destructive, only mercy, forgiveness, and the thought of the universal brotherhood of people in Christ can stop the bloody turmoil.

Keywords: St. Tikhon of Zadonsk, Pushkin, Sholokhov, turmoil, mercy, virtue, repentance, forgiveness, love for enemies, conciliarity.

Одним из лейтмотивов учения святителя Тихона Задонского является проповедь милосердия и любви к ближнему, сострадания к несчастным, терпеливого несения своего креста во Христе, глубоко укорененная в Священном Писании. Эти библейские истины получают особое звучание в трагические, переломные моменты отечественной истории, которые получили название Смутного времени и сопровождалась мировоззренческим расколом общества, обрывом преемственной многовековой традиции, непримиримой ненавистью и жестокостью по отношению к соотечественникам, массовым пролитием братской крови. В произведениях, посвященных осмыслению Смутного времени, сходятся важнейшие для человека проблемы долга и личной ответственности за судьбу Отечества, нравственного выбора, чести и бесчестия. Художественный анализ данного феномена убедительно доказывает, что истинную причину смуты следует искать прежде всего в духовном мире человека, гордыне, отступлении от веры, а путь к ее преодолению — в покаянии и возвращении к Богу. При этом важнейшей категорией, определяющей поведение человека на смутном перекрестке истории, способной остановить бессмысленное кровопролитие, является милосердие — одна из христианских добро-

детелей, уподобляющих верующего Творцу (Гал. 5: 22–23). Именно милость по отношению к ближнему становится нравственным императивом в двух знаковых произведениях отечественной словесности, исследующих на разном историческом материале тему Смуты, — повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» и романе М. А. Шолохова «Тихий Дон».

Анализируя религиозно-нравственный контекст последнего крупного произведения А. С. Пушкина, которое по праву считают духовным завещанием писателя, В. Н. Катасонов определяет ценностную доминанту пушкинского текста следующим образом: «взаимоотношение человека с человеком во всей полноте исторических и нравственных детерминаций перед лицом Истины, перед лицом Бога» [2]. При этом все герои повести, даже ключевые антиподы эпохи — Екатерина II и Пугачев, — оказываются носителями идеи милосердия и Божественной благодати, избегая жестокости буквы закона, находятся в пределах православной аксиологии, хотя и принадлежат к противоборствующим лагерям. Исключение составляют только Швабрин, который «в Бога не верует», и Белобородов, которому «бы всё душиť да резать». Особого внимания в данном плане заслуживает оппозиция двух центральных образов произведения: «нравственный закон "преступить сумевшего"» Пугачева и «твердо держащегося чести

и совести» [2] Гринева. При этом ценностным началом, объединяющим героев-антагонистов в едином пространстве христианского этического поля, выступает милосердие, которое является ключом ко всему пушкинскому повествованию, задавая нравственный вектор оценки персонажей и их поступков.

В своих трудах святитель Тихон Задонский неоднократно обращался к теме милости, которую, вслед за св. Иоанном Златоустом, считал «сердцем добродетелей». Так, о милости он пишет в 23 параграфе «книжицы» о грехах и добродетелях «Плоть и дух», где приводит цитаты из Священного Писания и создает флорилегий (сборник цитат) из творений св. Иоанна Златоуста, посвященных милости и милосердию. К этой же теме богослов обращается и в своем главном произведении — энциклопедии духовной жизни «Об истинном христианстве» (Кн. 1, гл. 11). В этом сочинении категория милости оказывается напрямую связана с центральным вопросом духовного творчества святого, обозначенным в заглавии его фундаментального труда: В чем заключается дух истинного христианства? Как отличить его от ложной веры?

В главе «О милости к ближнему» святитель Тихон пишет, что «истинная милость есть плод христианской любви» [8]. На страницах своего сочинения он разделяет милость на душевную и телесную, подробно характеризуя каждый из этих видов. Милость телесная заключается в том, чтобы напиться, напоить жаждущего, одеть нагого, принять странника, посетить больного (Мф. 25: 35–36). Душевная милость связана прежде всего с заботой о спасении души ближнего и включает в себя утешение скорбящего, наставление заблудшего на истинный путь, вразумление сомневающегося и т.д. В делах милости душевной проявляется подлинно братская любовь, которая побуждает заблудшего грешника к покаянию и богоугодному, укрепляет изнемогающего в духовной брани, врачует его душевные раны, в чем и состоит дух истинного христианства.

Определяя милосердие как одно из свойств Бога, святые отцы указывают на его связь с Божественной справедливостью, правосудием. В книге «Плоть и дух», в главе «Угрозы некаящимся», свт. Тихон Задонский отмечает: «Сами угрозы Божьи — знак Божия милосердия к грешникам, потому что Бог грозит казнью для того, чтобы они в чувство пришли, оставили злое прежнее житие и к Нему с покаянием обратились. Ибо различным образом Бог призывает грешника к покаянию, то обращением внутрь совести его, то обещанием благ, то угрозой наказания; а если всем этим грешник пренебрежет, тогда его, как нераскаянного, суд Божий постигает» [9].

Весь текст повести Пушкина пронизан предчувствием покаяния Пугачева, в котором он может найти очищение и стать Благоразумным разбойником, вернуться в лоно милосердия Божия и спасти свою

душу. Евангелие повествует о том, что по обе стороны от Христа мучительную смерть приняли два разбойника. Распятый «ошую» роптал на Бога и хулил Его: «если Ты Христос, спаси Себя и нас». Другой, распятый «одесную» Спасителя, говорил товарищу: «...мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое!» И Иисус Христос отвечает ему: «истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23, 39–43). Согласно христианскому преданию, Рах — Благоразумный разбойник — был первым человеком, вошедшим в рай вместе с Иисусом Христом. Символический и многослойный мотив диалога Господа с Благоразумным разбойником тонко звучит и сопровождает глубокие, сокровенные диалоги Гринева и Пугачева, переводит земное общение в перспективу вечности, ставит героев перед лицом Высшего Судии.

Этот постоянный призыв к покаянию будоражит зачерствевшее сердце бунтовщика, который не видит для себя возможности покаяния и искупления, сомневаясь в милосердии Божием. Между тем свт. Тихон Задонский напоминает о том, что Господь может простить любого человека, даже преступника, единственным условием этого является глубокое и истинное покаяние, сопряженное с верой в благодатную силу Христа распятого: «Не бойся, не отчаявайся, бедный грешниче! Христос Сын Бога живого... пришел тебя спасти и в небесное Свое царствие привести... Пришел Сын Божий, грешников спасти, не таких и таких, а всяких, какие бы они ни были. Только бы покалялись, веровали в пришедшего грешников спасти Иисуса Христа — и рай им откроется рукой на Кресте распятого Христа. Покайся и ты, грешник, и веруй в святое и сладчайшее Евангелие это, и, без сомнения, войдешь с разбойником в рай» [11].

Эта «радостная весть» определяет отношение Гринева к Пугачеву, дает возможность увидеть за внешним человеком, поруганным грехом, утопающим в страстях, образ Божий: «Не могу изъяснить, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех, кроме одного меня... В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему» [7, 319]. Вера Гринева в доброе начало, которое живет в душе Пугачева и открывает возможность спасения, прощения его грехов, преображает и самого предводителя восстания, пробуждает в разбойнике «внутреннего» человека, разрушает устоявшийся образ «кровавой пачки», переводит отношения героев из сферы земного, человеческого закона в духовную реальность, сферу благодати Божией.

Непростая линия отношений Гринева и Пугачева является отражением духовного братства людей — излюбленной идеи свт. Тихона Задонского, заявленной им в книге «Сокровище духовное, от мира собираемое», в главе «Я не твой брат».

Этот мотив отчетливо звучит уже во время первой встречи Гриневы с самозванцем, когда Пугачев выводит заблудившегося в непроглядном буране Петра к постоянному двору, где можно переждать непогоду. Гринев, озябший на морозе, входит в избу: «— Где же вожатый? — спросил я у Савельича. “Здесь, ваше благородие”, — отвечал мне голос сверху. Я взглянул на полати и увидел черную бороду и два сверкающих глаза. “Что, **брат**, прозяб?” — “Как не прозябнуть в одном худеньком армяке! Был тулуп, да что греха таить? Заложил вечер у целовальника: мороз показался не велик”» [7, 251].

Обращение «брат» из уст дворянина по отношению к безродному босяку устанавливает равенство между героями. Христианское, братское обращение к близкому, пусть и к разбойнику, в повести Пушкина оказывается весомее, чем социальные условности, задает аксиологическое пространство, в котором на милость, совершенную одним братом, можно ответить только братской милостью. Именно такое единство в духе, когда центром существования одного Божьего творения является другое и Сам Бог, было идеалом, о котором неустанно напоминал в своих творениях свт. Тихон: «А забывше о Господе забыли... что Господь оный равно промышляет о всех, равно сияет солнце Свое господам и рабам, благородным и худородным» [10].

Эпизод с заячьим тулупом заставляет вспомнить библейскую притчу о Хаме и его отце Ное. Савельич ведет себя как Хам, который посмеялся над пьяным отцом: «Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьет, собака, в первом кабаке» [7, 253]. Для верного барского слуги Пугачев — «собака», «пьяница оголтелый». Параллель с библейским персонажем поддерживается и социальным статусом Савельича: именно с проклятия Ханаана, сына Хама, получает свое начало рабство как социальное явление. Слуга в данном случае мыслит в рамках господско-рабской оппозиции, забывая о природном равенстве всех людей перед Творцом. Гринев не просто спасает «бродягу» от холода, он прикрывает духовную наготу Пугачева, который сам признается в страсти винопития, проявляет уважение к человеку как к образу Божию. Прощальные слова Пугачева «Спасибо, ваше благородие! Награди вас Господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей» [7, 253] — напоминают о благословении Ноя Симу и Иафету, прикрывшим наготу своего отца. Как уже неоднократно было отмечено литературоведами, мотив благословения является определяющим в судьбе Гриневы: как благочестивые сыновья ветхозаветного патриарха, он наследует благословение Божие, которое распространяется и на его потомков, благоденствующих, по замечанию Издателя, в Симбирской губернии.

Тема милосердия проходит через всю сюжетную линию Гриневы и Пугачева. В сцене взятия Белогорской крепости жестокий бунтовщик «помило-

вал» офицера вражеского войска, спас от смертной казни, руководствуясь тем же законом милосердия, который когда-то заставил Гриневу увидеть в пьяном бродяге брата во Христе: «...я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принужден я был скрываться от своих недругов» [7, 293].

На однажды проявленное милосердие Пугачев отвечает многократным добром, подчиняясь высшему закону христианской любви — за стакан вина и заячий тулуп дарует жизнь врагу, отказавшемуся присягнуть самозванцу: «Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего... Голова моя в твоей власти: отпусти меня — спасибо; казнишь — Бог тебе судья; а я сказал тебе правду...» [7, 294]. Несмотря на такую дерзость, Пугачев не меняет своего решения, поднимаясь над ложными законами мира сего, где царят вражда, ненависть и разделение. Только милосердие способно остановить зло, победить тьму вражды и братоубийства.

Метафизика любви, когда офицер-дворянин сотрудничает с безродным самозванцем и преступником, когда сражающиеся насмерть враги в одночасье становятся братьями, когда один надеется на спасение и помощь от другого, пронизывает и третью встречу Пугачева и Гриневы: «Ты мой благодетель. Доверши как начал: отпусти меня с бедной сиротой, куда нам Бог путь укажет» [7, 317]. «Внутренний» человек Пугачева с радостью откликается на эту просьбу: «Ин быть по-твоему!.. Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези ее куда хочешь, и дай вам Бог любовь да совет!» [7, 317].

Воспоминания о милосердии, которое проявил Пугачев, неотступно возвращают «Гриневу к мысли о нем, но не как самозванце, не как атамане бунтовщиков, а как о том внутреннем человеке, открытом влиянию добрых сил, не желающему, — как это ни странно, — и в глазах людей быть кровопийцей...» [2]: «Ты видишь, что я не такой еще кровопийца, как говорит обо мне ваша братья» [7, 313].

Сквозь все злодеяния и преступления Пугачева не перестает просвечивать образ Божий, и это побуждает Гриневу молиться за своего военного противника, соединяя их в соборном круге милосердия Божия и даруя грешнику надежду на спасение: «А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем Бога молить о спасении грешной твоей души» [7, 317]. «Молитва за других, болезновать душой за грехи людей и с любовью о них молиться — это жертва, равной которой нет ничего на свете», — писал прот. Николай Троицкий [4]. По мысли свт. Тихона Задонского, высшая милость и братская любовь заключаются в том, чтобы «брат заблуждающий не погибл, но на путь истины обратился, в покаяние пришел, и тако бы спасение получил» [3]. Известно, что по ходатайству святителя Ти-

хона был отменен смертный приговор участникам Пугачевского восстания, когда многие из них были присланы в г. Воронеж для казни.

Поэтому так важна для обоих героев последняя, четвертая встреча — во время казни бунтовщика: «Из семейственных преданий известно, что он (П. А. Гринев. — Л. С., Н. С.) был освобожден от заключения в конце 1774 года, по именному повелению; что он присутствовал при казни Пугачева, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу» [7, 334]. В этом диалоге без слов, «в беспредельности» предстояния перед судом Божиим, перед тайной жизни и смерти мы видим кульминацию идеи духовного братства. Ссылаясь на слова святителя Иоанна Златоуста «Любовь не отчаивается в любимом; но если и зол будет, продолжает исправлять, промыслять прилежно» (Беседа 33 на первое Послание к коринфянам), святитель Тихон провозглашает: любовь надеется даже там, где нет надежды. Пребывая в любви к ближнему, человек не оставит усилий, чтобы исправить его, даже если тот оказывается непреклонным. Когда исчерпаны, казалось бы, все возможности, человеку остается молиться за ближнего, чтобы Милосердный Господь, «какими Он Сам знает, судьбами обратил заблуждающегося брата» [5]. Гринев не отрекается от погибающего брата во Христе, своим присутствием на казни он подтверждает данное когда-то Пугачеву обещание молиться о спасении его души, дает ему надежду на божественное милосердие и прощение.

Таким образом, идеи братства, соборности, милости и милосердия по отношению не только к ближним, но и к врагам, надежда на прощение грехов, важнейшие в трудах свт. Тихона Задонского, находят отражение в тексте повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» и позволяют считать ее «одним из самых христианских произведений в мировой литературе» [2].

Тема милости является религиозно-нравственным императивом и в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон». Революция и гражданская война стали результатом духовной смуты, ослабления веры, утраты соборного согласия в понимании добра и зла, христианского духа любви и милосердия. Изображая противостояние белых и красных, описывая кровавые преступления, которые творились с обеих сторон, М. А. Шолохов показывает процесс расчеловечивания человека, утратившего страх Божий, ослепленного ненавистью и жадной мщенией. В кровавом хаосе смуты и безвременья оказались подорваны исконные начала русской души с ее отзывчивостью, жалостью, состраданием ближнему в его бедах и горестях, милостью к побежденному, безоружному врагу. Освободившись от сдерживающих начал христианской нравственности, человек превратился в средоточие разрушительных и губительных страстей.

События начала XX века разрушили атмосферу товарищества, дружбы, взаимопомощи, которая царил в большой и крепкой семье тихого Дона. Чувство братства, духовного родства казаков уступило место классовой ненависти, разделению народа на «своих» и «врагов», ожесточенному истреблению друг друга. Между тем еще свт. Тихон Задонский предупреждал: «Общее благополучие от взаимной любви процветает. О, сколь благополучную имели бы жизнь все, если бы взаимно друг друга любили! Не было бы тогда браней и такого ужасного и воистину плача достойного кровопролития. Не было бы так много в одно время вдов, плачущих по своим мужам, сирот, плачущих по своим отцам, отцов и матерей, плачущих по своим детям, которых столь много в короткое время оружие бранное поражает, ибо ссора и брань есть знак разорванной любви» [8].

Этот глубинный смысл трагического конфликта эпохи выходит на первый план в сцене казни Петра Мелехова. Шолохов подчеркивает, что убийство Петра совершается не просто его однохуторянами, в нем участвует кум Мелехова Иван Алексеевич Котляров. К нему, а не к Мишке Кошевому обращается Петро с мольбой о пощаде, трижды напоминая ему о том, что они соединены узами высшего, духовного родства в Таинстве Крещения: «Кум... Кум Иван, ты моего дитя крестил... Кум, не казните меня!» [12, III, 185]. Но Иван Алексеевич, в котором идет сложная внутренняя борьба между традиционным христианским гуманизмом, основанном на любви, сочувствии, братской взаимопомощи, и новой правдой революционной эпохи, требовавшей от человека подавить в себе жалость и сострадание к ближнему, отвечает молчанием. С утратой глубинного мировоззренческого, религиозно-нравственного единства русского общества оказались порваны не только социальные и кровнородственные связи между людьми. В гражданской войне, в которой, по определению Кошевого, «сватов, братьев нету» [12, III, 138], духовное родство подменялось классовой солидарностью. Иван Алексеевич, участвуя в казни Петра, своего брата во Христе, совершает неслыханное преступление, соединяющее грехи Каина и Иуды. Отречение Котлярова, за которым скрывается глубинный христианский смысл, отсылающий нас к главе «Я не твой брат» из труда свт. Тихона Задонского «Сокровище духовное», порождает цепь новых преступлений, способствует непрерывному возрастанию зла в мире: «опалемый слепой ненавистью», будет мстить за брата Григорий; «изошряясь в самых жесточайших пытках», будут издеваться над пленными сердобцами родственники казаков, погибших в бою вместе с Петром; задыхаясь от лютой злобы, выстрелит в своего кума старшая мелеховская сноха, Дарья. Об этом духовном законе напоминает свт. Тихон: «Как огонь огнем не гасится, так гнев гневом не побеждается, но еще

больше разжигается. Отсюда восстают ссоры, брани, драки, кровопролития, убийства и прочее зло» [8].

Но победа злого, жестокого, дьявольского начала в человеке не была окончательной. Смута, которая была послана русскому народу как искушение, как мученический венец, показала, что как ни старались боготорцы, они так и не сумели вытравить из народной души христианских ценностей любви, служения ближнему: «И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей» (Мф. 10:42). Этот Евангельский идеал жертвенности и сострадания буквально осуществляется на страницах «Тихого Дона»: «хмурясь от жалости», выполняет свой христианский долг вступившийся за пленных сердобцев старик-конвоир, напоивший измученных, жаждущих красноармейцев холодной ключевой водой из степного колодца [12, III, 301].

Разливу жестокости и насилия народ противопоставил сдерживающее и скрепляющее начало традиционной нравственности, христианский идеал милости («Блаженны милостивые; ибо они помилованы будут» — Мф. 5:7). В связи с этим важным оказывается ценностное разграничение понятий Закона и Благодати. Эта универсальная для русской ментальности оппозиция проходит через всю тысячелетнюю историю русской словесности и в значительной степени определяет духовное своеобразие русской культуры в целом.

Два полюса духовности и два типа ценностной ориентации человека манифестированы в двух зеркальных сценах романа — разговор Мишки Кошевого с Прохором Зыковым, а затем с Григорием Мелеховым. Кошевой требует ответа перед законом («...должен человек всегда отвечать за свои дела... за службу в белых надо отвечать перед советским законом» [12, IV, 291]), отвергая Евангельский идеал прощения и милосердия, о котором напоминают ему Прохор и Дуняшка: «Об старом забывать надо» [12, IV, 290]; «...кто старое вспомнит, тому, говорят, глаз вон» [12, IV, 290]. Эта позиция, глубоко укорененная в недрах народного сознания, нашла отражение в пословицах и поговорках русского народа: «Бог прощал и нам велел» и др. Апелляция к традиционным началам казачьей нравственности, проверенным тысячелетним опытом народной жизни, придает словам Прохора и Дуняшки хоровое звучание. Кошевой судит с позиций наличной действительности человеческого существования, отраженной в законе, требующей «оправдания в сем мире», в то время как Дуняшка предлагает другую точку отсчета: не «снизу», не от условий «действительности» падшего мира, пусть и упорядочиваемой «законом», а «сверху», со стороны идеала — высокого призвания человека, «благодати и истины», явленной человеку Христом [6, 151], предполагающей надежду и веру в любого человека, хотя бы и живущего

вне закона, потенциальную возможность покаяния, пока этот человек жив, а следовательно, прощения и милосердия.

Столкновение двух жизненных позиций представлено и в эпизоде встречи Михаила с Григорием. Если Мелехов идет навстречу Кошевому с открытым сердцем, с улыбкой, сокровенными думами (Григорий «хотел обнять Михаила» [12, IV, 314] — жест примирения, восстановления родственных связей), то Кошевой встречает его с холодной неприязнью, отчуждением, язвительной насмешкой и даже злобой. Кошевой не только против евангельского всепрощения, но настаивает на кровном отмщении: «За старые долги надобно платить сполна!» [12, IV, 323]. Позиция Мелехова оказывается близка позиции Ильичны: «Ты брата Петра убил, а я тебе что-то об этом не напоминаю...» [12, IV, 322], подкреплена традиционной этикой, понятиями о долге, милосердии, прощении. Он готов забыть старые обиды («Ежли все помнить — волками надо жить» [12, IV, 322]), переступить через кровь, простить своего личного врага.

А. А. Ильин утверждает, что «светское правосудие строится на споре и диалоге омраченных грехом людей, просьба о милости предполагает раскаяние в грехах, смиренное сознание собственных преступных немощей, оставление всем должникам, надежду на собственное прощение людьми и Богом» [1, 16–17]. Но именно в этом отказывает Григорию Кошевой, который «сроду... не стеснялся об врагов руки поганить и зараз не сморгнет при нужде» [12, IV, 322].

Основа христианской любви кроется, по словам свт. Тихона Задонского, в прощении и милосердии к ближнему, в отказе от мести, ибо только так можно остановить ненависть и злобу. «Если бы все друг другу мстили, общество бы стоять не могло, ибо все бы друг друга погубили, — предупреждает святой. — Ибо от взаимной вражды следует взаимная злоба и мщение, а от мщения — взаимная погибель» [8]. Свт. Тихон призывает удерживать свое сердце от гнева, угащать его «духом кротости и человеколюбия», напоминая о важности прощения: «"Если вы будете прощать..., — говорит Христос, — людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный"» (Мф. 6:14). Напротив, закрывается дверь к получению милосердия Божия и прощения своих согрешений для того, кто ближнему согрешений не оставляет, как Христос, Господь наш, явно об этом говорит: «Если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф. 6:15)» [8].

Даже во время разгула святотатства, безбожия и богоборчества в народе сохранялась эта истина. Поэтому, прощаясь с умирающим Стерлядниковым, Чумаков обращается к другу: «Василий! Прощай и прости меня и всех нас, ради Христа! На том свете сойдемся, и нас там рассудят...» [12, IV, 407]. Даже в жестоком палаче, у которого «не сердце, железа заместо него», просыпается жалость, состра-

дание, чувство вины всех за вся. Убийство товарища осознается им как грех, поэтому Чумаков просит прощения, ожидая Высшего Суда и надеясь на милосердие Божие.

Высшей степенью милосердия является любовь к врагам. Восхождение на этот уровень позволяет христианину «не только любящих любить, но и ненавидящих; не только благотворящих благодарить, но и творящих зло; не только благословляющих, но и проклинающих благословлять; не только молиться за делающих добро, но и за творящих напасть и изгоняющих (см. Мф. 5:44)» [8].

Шолохов приводит множество примеров прощения врага. Испытывая «щемящую материнскую жалость» [12, IV, 279], прощает Ильинична ненавистного ей Кошевого, убийцу своего сына, и принимает его в свою семью. Отказывается от мщения за брата Григорий, который бешено скачет в Татарский, чтобы спасти Ивана Алексеевича и Кошевого от смерти: «Кровь легла промеж нас, но ить не чужие ж мы?!» [12, III, 288].

Показателен в этом отношении эпизод спасения Мелеховым Степана Астахова — кровного врага, который поклялся отомстить Григорию и в бою трижды пытался убить его. В герою побеждает христианское начало его души, он оказывается способен на высокое самоотречение и самопожертвование, следуя евангельской заповеди о любви к врагам, исполнение которой делает человека «сыном Божиим по благодати». «Подчиняясь сердцу», движимый живым нравственным чувством, уступает Мелехов своего коня раненому Степану, поднимается над ненавистью и враждой, испытывая при этом духовную радость, рожденную сопричастностью Высшему Началу: «...Григорий увидел, как Степан прыгнул с убитого под ним верного коня и закружился волчком. Григорий, обожженный внезапной и радостной решимостью, с трудом удержал коня и, когда последняя сотня... промчалась мимо, подскакал к нему, крикнул: — Хватайся за стремя!» [12, II, 44].

Особенно пронзительно чувство жалости к врагу звучит в сцене, когда Григорий видит Степана, в отчаянии рвущего на себе казацкие шаровары ради спасения собственной жизни. И в момент духовного озарения Григорию становится ясно: нет больше правды и милости, чем помощь брату-казаку. В этой сцене Мелехов одерживает высшую победу: «Ибо так человек самого себя побеждает, и эта победа — преславная и более славная, нежели города и государства побеждать... Знатная победа — добром зло побеждать! Преславное торжество — над самим собой торжествовать! Благоприятное зрелище — ненавидящих любовью обнимать, делающим зло благотворить!» [8]. Своим поступком Григорий и Степана удерживает от смертного греха — убийства, оказывая тем самым духовную милость ближнему, спасая душу своего врага.

Вслед за свт. Тихоном Задонским М. А. Шолохов всем ходом своего повествования утверждает, что только милосердие, отказ от мести, прощение и смирение способны остановить братоубийственную войну, восстановить соборное единство народа. Эта мысль, проведенная по многим голосам романа, постепенно становится всеобщей, образуя хоровое звучание. В этот хор включен и главный герой романа — Григорий Мелехов, который после долгих метаний и сомнений приходит к пониманию Высшей Истины, о которой говорили и дед Гришака («Поднявший меч бранный от меча да погибнет... Ты... людей на смерть водишь, супротив власти подняю. Грех великий примаешь... Бог — Он вам Свою стезю укажет» [12, III, 252]), и Ильинична («Ты Бога-то... Бога, сынок, не забывай!..» [12, III, 281]), и Дуняшка («Ну, кончили воевать, чего им зараз-то делить? Хоть бы образумил их Господь!» [12, IV, 314]), и старик Чумаков («Бог — милостивец, Он все видит, Он вам все это не простит, помни мое слово! Ну, мыслимое ли это дело: русские, православные люди сцепились между собой, и удержу нету... Я стариковским умом так сужу: пора кончать!» [12, IV, 374]), и другие персонажи романа.

Возвращаясь домой до амнистии, отказываясь утверждать «справедливый» социальный порядок на путях мести и насилия, Мелехов становится на путь Богосыновства, истинной христианской любви, которая в каждом, даже во враге, видит брата во Христе, ибо «не близость крови и плоти, а союз любви и милосердия делает нас ближними» [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин А. А. Русская литература в контексте отечественных православных традиций / А. А. Ильин. — Ярославль: Ярослав. епарх. ведомости, 2000. — 98 с.
2. Катасонов В. Н. Хожение по водам: Религиозно-нравственный смысл повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» / В. Н. Катасонов. — Калуга: Изд-во Н. Ф. Бочкаревой, 1999. — Режим доступа: https://katonov-vn.narod.ru/statji/razdel4/4-1_vn.katonov_khozhenie_po_vodam.htm (дата обращения: 12.05.2024 г.).
3. Милосердие // Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. — М.: Самшит-Издат, 2003. — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Maslov/simfoniya-po-tvorenijam-svjatitelja-tihona-zadonskogo-sokolova/142#source (дата обращения: 12.05.2024 г.).
4. Милосердие. — Режим доступа: <https://azbyka.ru/miloserdie> (дата обращения: 12.05.2024 г.).
5. Милость // Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. — М.: «Самшит-Издат», 2003. — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Maslov/simfoniya-po-tvorenijam-svjatitelja-tihona-zadonskogo-sokolova/142#source (дата обращения: 12.05.2024 г.).
6. Непомнящий В. С. Пушкин. Русская картина мира / В. С. Непомнящий. — М.: Наследие, 1999. — 544 с.

7. Пушкин А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин // Собрание сочинений: В 10 т. — Т. 5. — М.: Художественная литература, 1975. — 576 с.
8. Тихон Задонский, святитель. Об истинном христианстве. Книга 1 // Собрание творений: В 5 т. — Т. 3. — М.: Изд-во Сестричества во имя свт. Игнатия Ставропольского, 2009. — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Zadonskij/ob_istinnom_hristianstve_kniga1/2_3_11#source (дата обращения: 12.05.2024 г.).
9. Тихон Задонский, святитель. Плоть и дух // Собрание творений: В 5 т. — Т. 1. — М.: Изд-во Сестричества во имя свт. Игнатия Ставропольского, 2008. — 800 с.
10. Тихон Задонский, святитель. Рукописи сочинений. НИОР РГБ. Ф. 609. К. 1. Ед. 4. Л. 60.
11. Тихон Задонский, святитель. Сокровище духовное, от мира собираемое. — Издательство Задонского мужского монастыря, 2006. — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Zadonskij/sokrovische_duhovnoe/#source (дата обращения: 12.05.2024 г.).
12. Шолохов М. А. Тихий Дон. Роман в четырех книгах. Том I // Шолохов М. А. Собрание сочинений. В 8 т. / Сост. М. Манохиной. — М.: Художественная литература, 1985. Ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Сатарова Л. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

Стюфляева Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: stuf77@mail.ru

Lipetsk State Pedagogical University named after P. Semenov-Tyan-Shansky

Satarova L. G., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Literature Department

Styuflyayeva N. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department

E-mail: stuf77@mail.ru